

УДК 94 (497.6)

**НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х гг. XX в.
В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ**

И.О. Змитрович

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются некоторые основные национальные, конфессиональные и социально-экономические предпосылки этнополитического кризиса первой половины 90-х годов XX в. в Боснии и Герцеговине, гражданской войны 1992-1995 гг. в республике.

The article considers the main national, confessional and social preconditions of the ethno – political crisis in Bosnia in 1990's, of the Bosnian civil war in 1992-1995.

Этнополитическому кризису в Боснии и Герцеговине, ядром которого явилась гражданская война 1992-1995 гг., предшествовал комплекс явлений и процессов, прямо или косвенно повлиявших на последующее развитие событий.

Этническая структура республики была представлена тремя крупнейшими национальностями: мусульманами (босняками), сербами и хорватами. Согласно переписи 1991 г. мусульман в Боснии и Герцеговине было 1 905 829 чел. (43,7%), сербов – 1 369 258 (31,4%), хорватов – 755 892 (17,3%). Около 240 тыс. чел. (5,5%) называли себя югославами [1, с. 221].

Существуют различные мнения об этническом составе общин – территориальных единиц БиГ. Так, М.Мартынова пишет, что в начале 1991 г. мусульмане имели абсолютное большинство в 48,6% общин, сербы – в 33%, хорваты – в 17,4% [2, с. 199]. Н.Васильева и В.Гаврилов отмечают, что из 106 общин Боснии только 10 являлись относительно мононациональными, лишь в 8 общинах преобладали 80-89% представителей одной национальности. В целом мусульмане в той или иной мере преобладали в 49 общинах, в 37 – сербы, в 20 – хорваты [3, с. 364]. Е.Ю.Гуськова приводит данные, что мусульмане составляли более 50% населения в 35 общинах, сербы – в 32, при этом последние составляли абсолютное большинство на 53% территории республики. Трудности и противоречия в подсчетах во многом объяснялись и тем, что распад Югославии, начавшийся в 1991 г., обусловил значительную миграцию населения. К 1992 г. в Боснии и Герцеговине находилось, например, около 100 тыс. сербов, выехавших из Хорватии и Словении [1, с. 221].

В г. Мостаре в 1991 г. проживало мусульман – 35%, хорватов – 34% и сербов – 19% от населения города. На территории Босанского Посавинья в 1991 г. жили 375 903 чел., из них 134 452 хорвата, 107 490 мусульман, 104 804 серба и 29 157 представителей других национальностей [4, с. 299]. Поэтому произвести раздел по этническому признаку, соблюдая справедливость, было невозможно, так как доминирующего большинства просто не было.

Как правило, представители различных народов старались селиться компактно, занимая отдельную часть города. Так, в Мостаре хорваты проживали, главным образом, в северо-западной части города, тогда как мусульмане и сербы занимали восточную часть. Подобная тенденция была характерна для многих крупных городов, в частности и для Сараево. Но процессы компактности в расселении народов Югославии ни в коем случае не стоит абсолютизировать. В 1991 г. 27% браков в Боснии и Герцеговине были смешанными. А из 111 общин БиГ (включая районы и пригороды Сараева) в 49 не было даже 60% численного преимущества ни у одной этнической общности [5, с. 72]. Учитывая это, а также фактор длительного проживания в едином социалистическом государстве, следует отметить, что идеи этноконфессиональной нетерпимости здесь широко не распространялись и в целом были редкостью до конца 80-х годов XX в. включительно.

Характеризуя этническую историю БиГ, следует обратить внимание на ряд важных аспектов. Предки жителей республики (мусульман, сербов, хорватов) в большинстве своем жили здесь с древнейших времен, их этнические и конфессиональные особенности формировались под воздействием конкретно-исторической ситуации в период средневековья. Самой «молодой» этнической группой в Боснии и Герцеговине стали мусульмане, появившиеся здесь в период османского владычества XV-XIX вв. как результат обращения части местного славянского населения в ислам. Однако окончательное оформление мусульман как этнической группы относится ко второй половине XX в., когда БиГ входила в состав социалистической Югославии – в 1971 г., они официально были признаны самостоятельным этносом [3, с. 292]. Именно в этот период мусульмане, обогнав сербов, вышли на первое место по численности среди народов БиГ.

Говоря об этнической идентификации жителей Боснии и Герцеговины, следует отметить, что сербы и хорваты ощущали историческое и культурное единство с Сербией и Хорватией. Сложнее дело обстояло с мусульманами (в БиГ этот термин использовался как

национальное, а не конфессиональное определение; более верным названием этой общности был постепенно внедряемый термин «босняки»). Некоторые полагают, что корни мусульман следует искать среди средневековых боснийских еретиков – богумилов [6, с. 44]. Теории о том, что боснийские мусульмане есть не кто иные, как хорваты, принявшие ислам, или сербы, которые «потурчились» в период османского господства, стали неотъемлемой частью идеологии сербских и хорватских националистических (и не только) политических сил. Точку зрения хорватских национал-радикалов ярко отражали слова первого президента Хорватии Ф. Туджмана: «Объективное исследование численного состава Боснии и Герцеговины не может пройти мимо того факта, что большинство мусульман по своему характеру и речи бесспорно хорватского происхождения» [7, с.442]. В то же время необходимо признать, что за столетия существования в условиях исламской культуры мусульмане Боснии и Герцеговины приобрели устойчивые черты особой этнической общности.

Существовали определенные проблемы и в истории межнациональных отношений. Так, сербские радикалы и обыватели нередко ассоциировали длительное турецкое угнетение с современными мусульманами Боснии, а хорватов обвиняли в фашизме. Мусульмане и хорваты, в свою очередь, подозревали сербов в шовинизме и желании создать «Великую Сербию» за счет других народов.

Между положением ведущих этносов в Боснии и Герцеговине существовали определенные социальные различия. Мусульмане традиционно, со времен турецкого владычества, селились в городах, занимаясь торговлей, интеллектуальным трудом и т.д. Хорваты и особенно сербы – главным образом, сельские жители. Это стало, в свою очередь, питательной почвой для определенных противоречий, в том числе предубеждений крестьян против горожан и наоборот. Западный исследователь А. Найер даже считал возможным обозначить такое положение как «классовый антагонизм» – противостояние более бедных и менее образованных крестьян-сербов зажиточным и, как правило, более образованным мусульманам из городов. Автор попытался даже объяснить классовой ненавистью продолжительные атаки сербов и хорватов на «мусульманские» города (Сараево, Мостар. Сребреница, Тузла) и «этнические чистки» среди мусульманской интеллектуальной элиты (учителей, инженеров, ученых, чиновников и т.д.) [8, с.171-172]. Это мнение, не являясь бесосновательным, однако

не объясняет всей сложности этнополитических и военно-политических процессов в Боснии и Герцеговине.

Существовала и проблема распределения земельной собственности в республике перед началом боевых действий, к чему часто апеллировали воюющие стороны позже. Так, лидер боснийских сербов Р. Караджич в интервью заявил, что сербы имели до войны в собственности 64% земли. Примерно такую же цифру называли и западные политики С. Вэнс и Д. Оуэн (60%). И это представляется реалистичным, т.к. основная часть земель находилась в руках крестьян, а горожане просто не могли ее много иметь.

В то же время следует учитывать, что ни одна этническая группа не могла владеть и распоряжаться рекреационными и инфраструктурными ресурсами БиГ (дорогами, горами, реками, общественными землями и т.д.). Так или иначе, но этот вопрос, имевший в годы гражданской войны 1992-1995 гг. практическое значение, активно обсуждался в периодической печати начала 90-х годов.

Территория республики была чрезвычайно богата сырьевыми ресурсами – здесь располагались 85% общегославских запасов железных руд, более 40% бурого угля, 40% бокситов, около 60% асбеста, значительная часть свинцово-цинковых руд и др. [3, с. 363]. Сельское хозяйство республики находилось в прямой зависимости от сохранения единой экономической системы. Так, наиболее плодородные долины находились в центральных районах, позднее взятых под контроль мусульманами, а крупнейшие картофельные плантации размещались на границе с Хорватией, во время войны занятые сербами. БиГ не относилась к промышленно развитым регионам Югославии, однако именно здесь располагалось 65% военной промышленности СФРЮ, в том числе заводы по ремонту реактивных установок, танков, артиллерийских орудий, самолетов и военного снаряжения.

Вышеуказанные противоречия в сочетании с экономическими трудностями на рубеже 80-90-х годов XX в., новой государственно-политической ситуацией в Югославии и Боснии, принципиально различным пониманием тремя этноконфессиональными общинами БиГ оптимального государственно-политического статуса республики, стратегии развития и привели к политическому кризису, который вскоре трансформировался в гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова, Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000) / Е.Ю.Гуськова. – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001.

2. Мартынова, М.Ю. Балканский кризис: народы и политика / М.Ю.Мартынова. – М.: Старый сад, 1998.
3. Васильева, Н. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н.Васильева. В.Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000.
4. Международные организации и кризис на Балканах: документы: в 3 т. / сост. и отв.ред. Е.Ю.Гуськова. – М.: Индрик, 2000. – Т.2.
5. Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. / редкол.: А.Д.Некипелов (гл.ред) [и др.]. – М.: Наука, 2000-2002. – Т.3 : Трансформации 90-х годов. – Ч. 2 / С.П. Глинкина [и др.]. – 2002.
6. Задохин, А.Г. Пороховой погреб Европы: балканские войны XX века / А.Г. Задохин, А.Ю. Низовский. – М.: Вече, 2000.
7. Уэст, Р. Иосип Броз Тито – власть силы / Р. Уэст. – Смоленск: Русич, 1997.
8. Найерн, А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / А. Найер. – М.: Юристъ, 2000.

УДК 001.83(100):94(420:47.084.8)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ БАЗА
СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ
И КОНТАКТОВ В 70-80-е гг. XX века**

Л.Г. Королёнок

УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются советско-британские научные связи и контакты в 70-80-е годы XX века. Рассматривается организационно-правовая база отношений, содержание и формы сотрудничества между двумя странами.

In the article analyzes Soviet-Britain scientific contacts in 70-s-80-s years of the XX century. The article represents legal basis of relations, different forms and subjects of scientific contacts between Soviet Union and Great Britain.

Советско-британские связи и контакты в 70–80-е гг. XX века составляли один из элементов системы международных отношений в Европе и международной жизни в целом. Отношения между двумя странами были сложными, что определялось политической конъюнктурой того времени.

В эти годы развивались и научно-технические связи, которые осуществлялись, прежде всего, в форме ознакомительных поездок по взаимному изучению различных проблем, двусторонних семинаров, конференций, стажировок ученых и специалистов. Научно-технические контакты с Великобританией поддерживали Академия наук СССР и ее научно-исследовательские институты, вузы, промышленные предприятия и организации.

Организационно-правовую базу данного научного сотрудничества в указанные годы составляли двусторонние договора

между СССР и Великобританией. Так, 4 января 1971 г. было принято решение о создании Постоянной межправительственной советско-английской комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству (Постоянная комиссия), которая контролировала выполнение сторонами действующих соглашений в указанных областях, разрабатывала программы сотрудничества, практические рекомендации. На сессиях комиссии, которые проводились ежегодно попеременно в Москве и Лондоне (за исключением 1979-1980 гг., когда контакты между двумя странами были «заморожены» по политическим мотивам), рассматривались состояние и перспективы советско-британских торгово-экономических, промышленных и научно-технических связей, вопросы, связанные с созданием благоприятных условий для их дальнейшего развития. До 1990 г. было проведено 16 сессий комиссии. В межсессионный период работу по практическому выполнению программ вели советская и британская части комиссии через свои секретариаты. В рамках комиссии действовало 11 смешанных рабочих групп по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [1, с. 34].

На регулярной основе подписывались Соглашения между СССР и Великобританией о сотрудничестве в области науки, образования и культуры, предусматривающие развитие обменов между странами в указанных областях. Ученые Великобритании и СССР участвовали в различных международных семинарах, конференциях и симпозиумах, выставках, проходивших в обеих странах. Так, на выставке систем обработки данных «Системотехника» в Ленинграде, проходившей с 5 по 17 октября 1971 г. был выставлен стенд британской фирмы «Ай-Си-Эл» [2, л. 6.].

На 11 сессии Постоянной комиссии в апреле 1973 г. была утверждена тематика долгосрочного сотрудничества между АН СССР и научными учреждениями Великобритании, охватывающая 14 тем. В их числе – использование синхрофазотронного излучения для исследования проблем физики твердого тела и биологии, изучение механических свойств металлов и сплавов, коррозии металлов и др. [3, с. 108–112].

В начале 70-х гг. активизировались научно-технические контакты с Великобританией в области сельского хозяйства. 6 мая 1974 г. в Лондоне впервые за всю историю двусторонних отношений было подписано Соглашение о развитии экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества между СССР и Великобританией сроком на 10 лет, которое предусматривало исследование, разработку и осуществление совместных мероприятий в

таких областях, как электронно-вычислительная техника, приборостроение, текстильная и химическая промышленность и т.д., а также обмен патентами, лицензиями, производственно-техническим опытом и другой научно-технической информацией [4, р. 94].

В октябре 1974 г. в Москве состоялись переговоры представителей министерств сельского хозяйства двух стран, в результате которых была принята новая программа научного сотрудничества, включающая не только обмен научно-технической информацией, но и организацию двусторонних симпозиумов, обмен учеными и специалистами [5, л. 8].

Ряд договоров был принят в период с 1975 по 1985 гг.: долгосрочная программа экономического, промышленного, научного и технического сотрудничества на десятилетний период (февраль 1975 г.); соглашение о развитии экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества (1984 г.); продлена на 5 лет долгосрочная Программа сотрудничества между СССР и Британией от 17.02.1975 г. (февраль 1985 г.)

К концу 1978 г. СССР имел 17 соглашений о научном сотрудничестве с ведущими фирмами Великобритании в следующих отраслях: атомное энергомашиностроение, химическая, авиационная и легкая промышленность, радиоэлектроника [6, с. 55–56]. Практические результаты были достигнуты в области энергетики, приборо- и станкостроения [7, л. 41–42]. В 1979 г. СССР и Великобритания совместно разрабатывали 42 темы, в том числе по проблемам: угольной промышленности, транспорта будущего, медицины, защиты металлов от коррозии, контейнерных перевозок, строительства и новых строительных материалов, станкостроения [1, с. 205–212].

В связи с новыми идеологическими принципами перестройки, а также вследствие встреч и договоренностей на высшем уровне, в конце 80-х гг. произошла активизация научно-технических связей двух стран. В эти годы расширялась юридическая основа научно-технического сотрудничества, например, в рамках таких межведомственных соглашений как меморандумы между ГКНТ СССР и Министерством энергетики Великобритании о научно-техническом сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса (1986), между ГКНТ СССР и Департаментом железнодорожных дорог Великобритании о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта (1987). [1, с. 49]. Оживились обмены и расширились контакты в области медицины вследствие подписания соглашения между двумя министерствами здравоохранения. 14 ноября 1987 г. был подписан протокол переговоров между делегацией АН СССР и Королевским обществом о

развитии научного сотрудничества между Британией и СССР. В документе было отмечено определенное развитие связей между СССР и Великобританией в научно-технической области после подписания в июне 1986 г. соглашения о научном сотрудничестве и обмене учеными, однако обращалось внимание на их недостаточный уровень. Было решено наладить различные встречи между представителями АН СССР и Королевским обществом, которые проводились поочередно в СССР и Великобритании раз в два года, предусмотрено расширение программы обмена учеными, принято решение расширить существующие совместные научные проекты, организовать новую программу совместных двусторонних симпозиумов по важнейшим научным вопросам [8, с. 4].

В 1987 г. Королевским обществом было зарегистрировано 26 совместных научно-исследовательских проекта в действии [9, р. 178]. Продолжалась работа в рамках соглашений о научно-техническом сотрудничестве ГКНТ СССР с фирмами Великобритании. В 1988 г. Королевским институтом международных отношений и ИМЭМО было выпущено совместное исследование «Международная экономическая безопасность» [10, с. 5]. Активизировались работы в рамках соглашений по медицине и здравоохранению, в области атомной энергетики, приостановленные правительством Великобритании в 1982 г. Так, например, была принята Программа научно-технического сотрудничества между Государственным комитетом СССР по атомной энергетике и Управлением атомной энергетики Великобритании на 1989–1990 гг. [1, с. 50].

Таким образом, в 70–80-е годы XX века были заключены долговременные соглашения и программы, которые носили комплексный характер и заложили новую юридическую и организационную базу советско-британских научных отношений. Научные связи и контакты оказывались в меньшей степени в зависимости от меняющейся международной ситуации и характера политических контактов обоих государств, чем торгово-экономические отношения, и оставались наиболее стабильными и динамичными. Осложнения на политическом уровне в меньшей степени отражались на их количественном и качественном уровнях. Расширению связей в научной области способствовала, в том числе и политика перестройки, смягчившая идеологические противоречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великобритания / И.П. Фаминский [и др.]; отв. ред. И.П. Фаминский. – М.: Международные отношения, 1990. – 160 с. (1).
2. Российский государственный архив экономики. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 3590.

3. Корнеев, С. Международные связи советских ученых / С.Корнеев // Международная жизнь. – 1874. – № 5. – С. 108–112.
4. Jolly old pals // The Economist. – 1974. – May 11. – P. 94.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 69. – Оп. 67. – Папка 266. – Д. 9. – Л. 8.
6. Чеклин, В.К. итоги VII сессии советско-английской объединенной комиссии / В.К. Чеклин // Внешняя торговля. – 1978. – № 9. – С. 55–56.
7. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 69. – Оп. 68. – Папка 269. – Д. 9. – Л. 41–42.
8. Подписан протокол // Правда. – 1987. – 15 ноября. – С. 4.
9. Morison, J. Anglo-Soviet cultural contacts since 1975 / J. Morison // Soviet – British relations since the 1970s / ed. by A. Pravda and P. Duncan. – Cambridge, 1990. – Chapter 8. – P. 178.
10. Лютый, А.В. Чатэм-хаус / А.В. Лютый // Правда. – 1988. – 17 апр. – С. 5.

УДК 141.45(476)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В БССР В 1950-60-Е ГГ.

В.Л. Король

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются основные формы, направления и методы атеистической пропаганды в БССР, раскрывается их место в системе антирелигиозных мероприятий периода 1950-1960-х гг. Описывается отношение к религии и религиозным организациям со стороны коммунистической идеологии, КПСС-КПБ и государства, а также характеризуются основные центры подготовки пропагандистских кадров, раскрывается система организации атеистической агитации и пропаганды на территории БССР.

In the article discloses the basic forms, directions and methods of atheistic propaganda. The structure, as well as their place in the system of anti-religious measures of period are described. Moreover, the system of organization of atheistic agitation and propaganda is reported in the article.

Годы «хрущёвской оттепели» были во многом неоднозначны и противоречивы. С одной стороны, они принесли стране процессы демократизации общественно-политической и культурной жизни, с другой стороны, годы «оттепели» были отмечены реанимацией революционной атмосферы и радикальных социально-политических акций 20-х гг. XX в. Одной из таких акций стала антирелигиозная кампания, затронувшая не только религиозные организации и миллионы верующих, но и поставившая вопрос о самом существовании религии в советском обществе. Однако главное отличие гонений на религию периода «оттепели» от событий 1920-1930-х гг. заключалось в том, что прошли они практически без